ВЛАДИМИР ШАЛЕВ

ПОТЕРЯННЫЕ ПОД СОСНАМИ

Владимир Шалев

Потерянные под соснами

«Автор»
2025

Шалев В. О.

Потерянные под соснами / В. О. Шалев — «Автор», 2025

Вся книга — это взгляд со стороны на жизнь нескольких людей, срез общества нашего времени. Каждый из них преодолевает внутренние проблемы, сражается с агрессивным окружением и старается выжить в этом огромном мире, сотканном из множества недопониманий. Лес, озеро, горы, большие города и влияние огромной страны - можно ли найти в этом покой?Современная проза с ощущением советской фантастики, духом леса и множеством экзистенциальных вопросов.

© Шалев В. О., 2025
© Автор, 2025

Содержание

В. ШАЛЕВ	5
ИЮНЬ	6
1	6
2	8
3	11
4	14
5	15
6	18
7	20
8	23
9	25
10	27
11	30
12	31
13	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Шалев
Потерянные под соснами

В. ШАЛЕВ

ПОТЕРЯННЫЕ

ПОД СОСНАМИ

Екатеринбург
2025

ИЮНЬ

1

«Вот он, Вунокорф! Заводов край!»
Неизвестный автор.

Он лежал на диване. Точнее, диван схватил его и уже второй час не отпускал. Два часа Дафнис лежал на нём. Два часа! Казалось бы, вчера, было первое июня. Лето начиналось… И уже вторая неделя подходит к закату. За окном стояла жара в двадцать пять градусов, для этой местности много. Итак, проснувшись в одиннадцать и позавтракав, он пригвоздился к дивану.

О завтраке ему напоминала тяжесть в животе и неприятный запах изо рта, в чем был виноват растворимый кофе. Подходил второй час дня, и Дафнис не мог заставить себя встать. «Надо было голодать…» – крутилось в мыслях – «А я наелся как свинья и в бессилии завалился на диван».

Это была уже вторая отговорка, лишь бы не признать собственную лень. Первая обвиняла в лежании на диване погоду. Якобы слишком жарко, чтобы активно или вообще как-либо двигаться.

Он потянулся, издав звук умирающего кита. Нос уловил тонкий запах пота, надо бы принять ванну. Только он лежал. А ведь это надо встать, дойти до ванной, открыть воду, добавить жидкость, дабы вода мылилась и пенилась. Уйти, подождать, вернуться, залезть в ванну. Сущий кошмар по мнению Дафниса. Это ещё без упоминания, что квартира его – целых тридцать два квадрата.

На самом деле квартира принадлежала бабушке Дафниса, а он фактически сидел у неё на шее. Только бабушки не было, она уехала, так что сидел всё же лишь формально. И одиноко лежал на диване, взирая в открытые окна девятого этажа. Вот так он и жил уже который год. Но будет неправильно описать Дафниса как полностью несамостоятельного. Последний раз его милая сожительница появлялась в этих стенах более полугода назад. Так что один он жил достаточно давно, и в целом чувствовал себя прекрасно.

Дафнису написала Деметра – его мать. Он пожаловался на то, что устал, и на вопрос: "от чего?", ответил: "от сна". Родители Дафниса жили в частном доме недалеко от города, и она предложила поработать у них. А работы хватало: от грядок клубники, до бесконечного ремонта любых частей белого домишки.

Слова о том, что за пять дней Дафнис бы мог заработать около десяти тысяч, все-таки заставили его встать с дивана и сделать кофе. Правда, через несколько минут он снова принял положение лёжа.

Диалог исчерпал себя, на претензии Дафниса о безграмотности письма матери, она разочарованно ответила, что моет плитку, пишет быстро и допускает ошибки.

Вот и изъяны двадцать первого века. Из-за постоянной автоматизации всех жизненно-бытовых процессов и непрерывного их ускорения, страдают такие базовые аспекты, как культура речи или передача информации. Скажем, удивительное по меркам прошлого века – видео закатного солнца – сейчас столь заезженная вещь, что суть того, что солнце может своими цветами поражать души, откатывается на третий план.

Но страдает ли качество этих бытовых вещей?

Они преобразуются, подстраиваясь под тенденции общества настоящего. И что с консервативной точки зрения можно окрестить изъянами, с точки зрения здраво-либеральной является лишь обыкновенным следствием развития человечества. Всё, что окружает поколение, а это: вещи, стили поведения, формы общения, бытовые действия, общая алчность и моральная

испорченность, частота проявления среднестатистической доброты – всё это также олицетворяет поколение, как всегда, это было и раньше. Но если в античности народ собой олицетворял возвышенную культуру, культ красивого человеческого тела, любовь к образованию и порицание стагнации… То сейчас – всё то же самое создаёт картину иного поколения.

Важно уточнить, что современное восприятие античной цивилизации сильно отличается от того, что было на самом деле. Ведь в эпоху возрождения, когда умы людей начали выбираться из тёмной деградации средних веков, было куда удобнее создать образ утерянного счастья. Описать тот мир как колыбель новой культуры. И за подобную перепись истории нельзя никого обвинять, ведь это послужило на пользу развитию человечества.

На подобных чувствах выстроены многие современные массовые манипуляции. О некоторых из них Дафнис знал не понаслышке. Как-то, в те времена, когда трава была зеленее, он странствовал по одному столичному городу. Ожидая переключения светофора, чтобы пересечь очередной проспект, коих в городе было не счесть, он наткнулся на определённых людей-зазывал. Они выцепляли приезжих бедолаг и, используя мастерски развитый дар красноречия, втюхивали им дорогой заморский чай. Как впоследствии выяснил Дафнис – обыкновенную подделку, эрзац из ближайшего магазина, выставляемый благородным пуэром. Но он приобрёл этот чай, ведомый сладкими словами о редкости предложения – мол, это «тот самый» чай, то самое забытое счастье, которое нельзя упустить. Двадцать минут спустя, он сидел на скамейке в сквере и вчитывался в выданную вместе с чаем брошюру.

Как известно, нарисуй человеку надежду, и он пойдёт по дороге, ведущей к ней. Только часто случается, что дорожные работники, создающие такие магистрали, либо относятся к работе халатно, из-за чего с такой дороги легко слететь в кювет, либо влекомы тёмными и алчными побуждениями.

…Итак, Дафнис решил, что наконец пришло время для кофе.

2

Но он не всегда был таким. Вернее, никогда и не был, или, во всяком случае, никогда не ленился так откровенно. В такое однозначно грустное состояние он впал два месяца назад – после похорон прадеда и расставания с девушкой.

В начале весны прадед Дафниса покинул этот мир в возрасте ста шести лет. Это никого не удивило – как ни крути, сто шесть лет, по меркам современного человечества, возраст очень удачный для смерти. Удивить не удивило, но близкий человек ушёл и больше не вернётся. С младенчества, наравне с родителями Дафнисом занимался прадед. Тогда ещё восьмидесяти четырёхлетний, практически молодой и более активный, чем Дафнис этим летом.

Вторым важным событием, приведшим к такому состоянию, оказалось расставание. В середине весны неоднозначные отношения Дафниса и Элеи сошли на нет. По его мнению, Элея ушла, оставив с разбитым сердцем. Тот момент стал началом конца в максималистском воображении Дафниса.

Ещё одним пинком суровой жизни стало завещание. Из всех, хоть и скромных по меркам столичных городов, но приличных для Самоцветинска богатств, ему не досталось ничего. Ни одна из двух квартир, ни обыкновенная иномарка, ни даже хоть какие-то предметы искусства, которых в доме прадеда хватало. В наследство он получил лишь обыкновенный почтовый конверт, из тех времён, когда слово «марка», означало совсем не то, что сейчас.

Конверт, а в нём кусок оборванной карты пятидесятых годов прошлого века. Карта показывала место в полтораста километрах от города на юг, в сторону Верблюдогорска. Местность была сплошь в лесах и озёрах, с парой небольших поселений, в отдалении от главной трассы. Там же обыкновенной синей ручкой была обведена некая деревня, часть букв из названия которой стёрлись. Осталось только: «....ю....го..к..». Возвратившись с похорон, Дафнис тут же раскрыл конверт, оборвав часть бумаги. Перенеся данные в современную карту, на месте деревни он обнаружил обычный лес.

Дафнис не стал продолжать поиски и отложил карту в шкаф, где лежала куча различных бумажек и брошюр. Вскоре она затерялась среди этого макулатурного безобразия. Дафнис не предал никакого внимания тексту на обороте карты. Увы, после вскрытия на основной её части осталась лишь ироничная надпись: «кто ищет – тот найдёт», а остальной текст, оторванный неказистыми действиями Дафниса, бесследно исчез в глубинах квартиры. Когда Дафнису время от времени вновь попадалась на глаза эта карта, он лишь разочаровывался в себе и бессмысленно сетовал на глупую и противную, по его мнению, надпись.

Всё это он сопоставлял с рассказами, что в детстве слушал от прадеда в качестве сказок на ночь. Про клады, зарытые под землёй, про сильных мужиков-рудокопов, про минувшее счастье и горячую молодость прадеда. Дафнис хоть и хотел верить, что карта была чем-то большим и существенным, чем сентиментализм прадеда, но всё же склонялся к тому, что она служила лишь приятным напоминанием о детских вечерах, проведённых вместе. И всё же его очень тревожила эта неразгаданная загадка.

Однажды в череде дней лежания на диване, он сумел-таки выйти на улицу. Устроив себе вечерний променад, он бродил по скверу в вечерних лучах и слушал музыку. В опрятных клумбах тихо шелестел искусственный, но качественный кустарник. Между двумя параллельно идущими дорожками была сформирована небольшая горка, к вершине которой тянулись красивые и необычные растения. Они контрастно смотрелись с белыми светильниками, торчащими вокруг дорожек. Интересный этот район, выстроенный на окраине Самоцветинска, как будто отдельный город.

Проблема с парковочными местами в нём присутствовала также, как и везде. Застройщики сами хозяйничали на своей земле, а государство питало к ним практически полное без-

различие. Поэтому они могли себе позволить планировать жилой комплекс из расчёта одно парковочное место на три квартиры. Но в современном Семицветинске на одну квартиру приходилось одна-две машины. В этом городе, да и во многих других городах страны, подобная абсурдность пронизывала каждый аспект всех управленческих структур. Кругом строились огромные жилые стены, страшные, безвкусные и вездесущие, и машины парковались везде, где можно и нельзя. И поэтому Дафнис так тонко наслаждался этим свободным и правильно спроектированным общественным пространством.

При всех жилищно-бытовых казусах, Дафнис любил свою страну – Терастию, и мирился с ними. Человек очень быстро приспосабливается к любым жизненным условиям.

Огромная Терастия была наследницей не менее огромного пережитка прошлых лет – тоталитарного режима под названием Империя Коккино. Такая форма управления страной просуществовала много десятков лет, но столетний юбилей не отметила, развалившись аккурат за три десятка лет до него.

Почти все, особенно в Самоцветинске, называли то государство просто «Коккино». Империя наложила большой отпечаток на историю города, да и распад произошёл не так давно – поколение родителей Дафниса родилось ещё при предыдущем строе.

Пройдя до конца тропинки, там, где она сливалась с такой же параллельной и создавала закольцованный путь, Дафнис уселся на скамейку. Подставив своё острое лицо оранжево-алому солнцу, он закрыл глаза. Как же ему надоело лежать на диване. Ещё в начале года он был активным и целеустремлённым, строил планы… а сейчас как будто бы увяз в пуховом одеяле кровати и не мог с ним справиться.

Но ведь надо понимать, что любая душа, любая какая-никакая личность – она же ведь как стогранный сапфир. И как сапфир на определённой плоскости повёрнут к смотрящему одной из ста граней, так и человек, в зависимости от внешних факторов, поворачивается к жизни одной из множества сторон. Но если для сапфира внешние факторы это дуновение ветра, лёгкое касание тыльной стороной ладони, или грузная поступь агрессивных шагов, то для человека такие факторы усложняются чуть ли не до бесконечности.

Дафнис же был похож на спрессованный графит – серый, но блестящий, твёрдый, но скалывающийся. Слегка длинные волосы и немного заострённый нос, хаотично-редкая борода с небольшими усами. Сам себе Дафнис с этой бородкой казался более мужественным, но на деле выглядел едва ли взрослее своего возраста.

"Нужны какие-то перемены. Нужно куда-то убежать, встряхнуть себя. Поеду по координатам на карте, в ту деревню, где дед жил» – мысленно проговаривал Дафнис. Он выпрямился, визуально став больше. Под ним проскрипела скамейка, так же сейчас скрипел мозг Дафниса. Как будто бы Дафнис пытался ожить.

С другой дорожки вышла женщина. Возраст её казался загадкой для любого, кто посмотрел бы на неё. С уверенностью можно было сказать лишь то, что она немолода. Но старость как будто коснулась только её волос и глаз. Волосы были пепельно-серыми, а глаза, как у столетних бабушек, уходили в туман вечности и забвения. Она выглядела озадаченной, но уверенно двигалась в сторону Дафниса. Подойдя, она сказала совсем не старческим голосом:

– Молодой человек, скажите, как мне отсюда добраться до Мраморорубщиков, 64?

Дафнис поднялся со скамейки и вежливо попросил подождать, доставая из кармана телефон. Вынув его, он открыл карту и вбил адрес. Дафнис удивился и на секунду-другую потерялся – адрес находился в другой части города. Причём в той части, куда даже доехать было подвигом. Конечно, имея автомобиль, в Самоцветинске можно добраться куда угодно, но Дафнис был уверен, что у этой особы машины не было.

– Вам отсюда, наверное, самым удобным способом будет такси – проговаривая эту фразу, Дафнис медленно оторвал взгляд от телефона и посмотрел на женщину.

Удивительно, но её седые волосы отливали зелёным цветом. Ветер продувал пряди, будто цветущие водоросли колыхались на августовских волнах. Не было в этих волосах ни старости, ни смерти, одна сплошная кипящая жизнь.

– Простите, а как вы оказались в этой части города? – спросил Дафнис, и сам удивился бестактности вопроса.

Маска потерявшейся заблудшей души, уставшей от бесконечного скитания, мгновенно спала, и женщина предстала пред Дафнисом уже уверенной и сильной, совсем не ищущей какую-то далёкую улицу. Как будто даже морщины на лбу исчезли, а волосы при очередном порыве ветра зазеленели ярче.

– Я была здесь всегда. – Сказала женщина так, будто это предложение объясняло всё. И не только субъективные догадки Дафниса, но и любой вопрос, заданный когда-либо на этой планете.

Совсем запутавшись, Дафнис бухнулся обратно на скамейку. Он сделал это не по своей воле, ноги просто подкосились, а голова стала тяжёлой, ушла вся лёгкость вечера. Если до прихода женщины он беспечно сидел и внимал своим размышлениям, то сейчас каждая маленькая мыслишка с огромной скоростью летела в его мозг. Вдобавок ещё эти оптические иллюзии… Он, конечно, сразу подумал на своё гуляющее давление. И всё-таки уж слишком это всё было реально.

Он сидел и тёр глаза, и вдруг почувствовал тепло, а затем услышал голос. Женщина присела рядом.

– Вы сидели так, будто бы хотели куда-то уехать, – сказала она.

Дафнис уже перестал удивляться происходящему. Первым делом захотелось язвительно ответить: "каким образом можно сидеть так, чтобы выражать желание ехать?", но Дафнис воздержался и спокойно ответил.

– Да, в деревню.

И Дафнис рассказал Гее, так представилась эта женщина, о своей истории; о диване, о том, что собирается ехать в неизвестность и идти туда, куда даже сам ещё не знает. Он завершил речь твёрдой и целеустремлённой фразой, на подобии тех, что используют в его стране люди из телевизора. Произнеся её, он уставился на женщину ясными и горящими глазами. Дафнис не мог знать, что Гее хватило одного взгляда в эти одержимые глаза, чтобы увидеть будущее его планов. Распрощавшись с ней, Дафнис ушёл, заряженный слепым энтузиазмом.

Он шёл и не видел дороги, мысли витали совсем далеко от окружающего мира. Включив фоном музыку в беспроводных наушниках, Дафнис возвращался домой. В приложении по управлению наушниками он полностью отключил внешние звуки так, чтобы ничего не мешало. Переходя последний перед домом светофор, он достал телефон и начал печатать сообщение кому-то из знакомых, и не заметил ни мигающего сигнала светофора, ни звука гудящей машины. Он просто перешёл дорогу, завернул во двор и поднялся к себе в квартиру.

3

Солнце просачивалось сквозь прозрачный тюль. Комната с белыми обоями заливалась утренним светом, и пыль, устилавшая компьютер, подоконник, стеллаж с книгами и платяной шкаф, становилась видимой. Утро в Самоцветинске только начиналось. Это город из тех, которые ночью не спят, но в промежуток с четырёх по пять часов утра на улицах совсем малолюдно. Остатки ночной жизни рассеивал солнечный свет, а утренняя вяло начинала заполнять опустевшие улицы. Вот просигналили первые машины, а вот зашипели двери автобуса, принимавшего первых пассажиров.

Район, стоящий на окраине, принёс много славы Самоцветинску. Как известно, популярность можно заработать не обязательно добрыми деяниями. И «Профессорский» – так называется эта часть города – был прекрасным тому примером. Район застраивался яркими, но однотипными девятнадцатиэтажными домами. Они плечом к плечу создавали бетонные стены, скрывающие солнечный свет.

За шесть лет этот муравейник вместил в себя около пятидесяти тысяч человек. И именно тогда в «Профессорский» приехал Премьер.

Это было событие! Шампунь по асфальту полился рекой, и во всех малочисленных школах, пробивая ржавчину, забила вода в питьевых фонтанчиках. Тогда-то «Профессорский» и привлёк внимание всей страны. «Монолит» властителей провозглашал район своей победой, а все недовольные критиковали его и нарекали будущим гетто.

«Люди скупают жильё по дешёвке, потом богатеют и съезжают в более элитные районы» – говорили они. А в продаваемые квартиры, в уже не свежий, и от этого ещё более дешёвый район, заезжают бедные и малокультурные люди. Те представители страны, которые перебираются из сёл и деревень в большой промышленный город и там впервые постигают городскую культуру. Но с оттоком граждан первой волны заселения, из района уходят и различные заведения: от круглосуточных супермаркетов до специализированных магазинов на любой вкус.

Ещё спустя четыре года масштабы строительства расширились до колоссальных. В какой-то момент «Профессорский» был самой большой стройкой в Терастии. И на десятом году жизни района, в его первый юбилей, собралась толпа около девяноста тысяч человек.

«Профессорский» численно был подобен зависимым городам агломерации Самоцветинска, и даже превосходил многие из них. Но это был всего лишь один из восьми районов города, с востока ограждённый стеной леса. И у этого леса жил Дафнис. Маленький квартал, стоящий за проспектом – широким, ярким и выполненным с редким для района урбанистическим мастерством. Проспект назывался «Профессора Солёнова», и в окна всех домов по этому проспекту первым начинал просачиваться утренний свет.

Дафнис проснулся, вылез из-под одеяла и направился в ванную. Через сорок минут он, обернувшись белым халатом, завтракал и заворожённо смотрел научно-популярное видео про бескрайний космос. Чаще всего Дафнис смотрел либо новостные ролики, либо политические, но вот научный контент поглощал намного реже и от этого охотнее. Видеоролики такого типа для Дафниса были как сыр фета для любителей греческого салата. Хоть полученные околонаучные данные практически никак не откладывались в его сознании, данный контент был деликатесом для растущего молодого мозга.

Этот день, по наивному плану Дафниса, должен был стать очень важным в его жизни. Предстояло выторговать у матери автомобиль, чтобы на пару суток умчать в ту неизвестную деревню. Но мать была первее. Пока Дафнис размышлял над своей речью, она позвонила по видеосвязи.

– Как раз думал о тебе, хотел позвонить, но ты опередила.

– Ты в порядке, всё хорошо? – очень взволнованно начала Деметра.

– Да, вот проснулся только – недоумевая ответил Дафнис.

Лицо матери расправилось, и яркий румянец начал медленно тускнеть.

– Что произошло-то?

– А ты не видел? Во всех группах об этом пишут. Сейчас отправлю, посмотри и поймёшь – и Деметра закончила звонок.

Дафнис открыл сообщение и увидел новость с громким заголовком: «Смертельное вождение в Профессорском». В сводке было видео с камеры, установленной на одном из светофоров. Начиналось оно с того, как Дафнис, уткнувшись в телефон, переходил дорогу. Он завершил движение на мигающий зелёный, а через две секунды в стоящую толпу влетел автомобиль. Водитель не вошёл в поворот и, неудачно сманеврировав, ударил боком в толпу и носом снёс забор. Стоящие люди как кегли отлетели в сторону. Видео завершилось и автоматически началось заново. Дафнис досмотрел до момента, где он выходит из кадра, и остановил ролик. Он ошарашено прорабатывал то, что увидел. Выходило всё так, что, если бы он был внимателен и не пошел на мигающий зелёный, то, вероятно, сейчас бы был либо в больнице, либо в морге. И второй исход вероятнее – остановившись перед дорогой, он встал бы у самого её края, и удар бы в точности пришёлся по нему.

Шокированный Дафнис отклонился на спинку стула и отъехал от рабочего стола. Несколько секунд – и он бы сейчас здесь ни сидел. И удивительно, что спасла Дафниса именно его невнимательность.

Снова позвонила мама.

– Увидел? – спросила она, теперь спокойная.

– Да… – протянул Дафнис – сдуреть можно.

– Даже Агам побеспокоился – после паузы усмехнулась Деметра.

– Ну его – озлобленно бросил Дафнис.

– Да брось – погрустнела Деметра и тут же переключилась на другую тему.

– Ты зачем-то хотел мне звонить – начала она – денег не дам, два дня назад получал.

– Да нет же – стал оправдываться Дафнис – с финансами пока терпимо – он посмотрел ей в глаза.

По правде говоря, денег не было, ведь те, о которых сказала Деметра, он два дня назад и просадил. Но родственников хватало, так что нули на карте всегда можно было исправить.

– Тогда что?

– Тут такое дело – начал он долгую песню. – Я вчера вечером в сквере сидел, и меня озарило. Резко захотелось ярких перемен, какого-то движения, понимаешь…

Дафнис перевёл дыхание. Он понимал, что мать не оценит сомнительных наставлений от незнакомки, и поэтому любое упоминание вчерашней то ли девушки, то ли старушки, к цели его не придвинет.

– То есть захотелось приключений на голову и стресса матери?

– Ну нет, всё вполне осознанно, я хочу взять палатку и отправится в лес на озёра.

– И надолго ли? – спросила Деметра, уже догадавшись, что от неё требовалось.

– Максимум трое суток – потянул Дафнис, высматривая в глазах матери одобрение. – В Верблюдогорскую область.

– Только в выходные, ко вторнику мне на работу – смягчилась Деметра.

Дафнис пользовался материнской машиной далеко не первый раз, поэтому даже упоминать напрямую не было необходимости. Да и не называя объект, Дафнис как бы смягчал углы просьбы.

– Спасибо большое, тогда в пятницу я к вам приеду, а в субботу утром умчу в лес.

– Хорошо!

Они попрощались, Дафнис отключил звонок. Он мысленно начал выбирать одежду, которую возьмёт в путешествие. Нарисовав в голове наивную картину, он предрекал себе что-то знаковое и важное, хотя план и цель пока отсутствовали. Он был словно тот пёс, который с лаем бросается на проезжающие машины. Но что будет, если одна из машин остановится?

4

– Ну хватит, Агамемнон! – доносился сильный голос женщины с кухни. – Хватит, я его мать, он так и живёт один.

– Представляешь Деметра, это нормально – также уверенно отвечал мужской надрывистый голос. – Парню двадцать два года, а он ни шиша, ни двора. Прошлым летом колледж окончил, и что? Чем он занимается? – голос перевёл дыхание. – Он с марта ни черта не делает, просто лежит на грёбаном диване. Скажи ей, Влассис!

Откуда-то снизу, видимо из сидячего положения, донёсся тихий и более слабый мужской голос.

– Что сказать, его жизнь, ему решать, но да, да, ты прав.

– Ну ты подумай, Агам, он хоть куда-то поедет – это же движение, хотя бы какое-то действие – сказала женщина, для которой, по всей видимости, утро не задалось.

Если бы любой наблюдал за тем, как звенел сервант под грозными словами мужчины, то уловил бы тонкие нотки хитрости в женском голосе. Эти нотки были незаметными, но чётко направленными в голову спорящего.

– Может, он после такой поездки и включится, ну вытрясет это своё состояние и наполнится другим – уже спокойно говорила женщина.

– Нужно болеть оптимизмом, чтобы на такое рассчитывать – упрямо произнес стоящий мужчина. – Неважно, завтра здесь будет он, вот и поговорим.

Мужчина отпустил из рук столешницу барной стойки и вышел с кухни и прошагал в прихожую. Надевая обыкновенную ветровку, он посмотрелся в зеркало – в целом ещё не старый, но уже потускневший. Из-за действа на кухне, на высоком тупом лбу выступил пот. Нос, посаженный картошкой, раздувался на каждом вдохе, живот его также выступал вперёд. Смазав рукавом пот, он отвернулся от зеркала с удовлетворением, погрузился в дачные тапочки и вышмыгнул за дверь.

На кухне остались двое. Мать и отец.

– Как думаешь, Дафнис может знать про прадеда? – спрашивал Влассис чуть сиплым тихим голосом.

– Что ты имеешь ввиду?

Общее напряжение в комнате начало спадать, и, расслабившись, Влассис откинул голову на спинку дивана.

– Про историю его прадеда, про деревню закопанную, и про все легенды, что ходили вокруг него. Я ведь в этом вырос, Деметра.

– Может, он что-то и слышал, но не думаю, что его поездка с этим связана. Под Верблюдогорском ведь много озёр, где все отдыхают.

– Помню я одно такое озеро – улыбнулся Влассис – ездили с дедом, когда я маленький был… рыбачили.

Он растягивал слова, погружаясь в воспоминания. Отец Дафниса был человеком, которому намного комфортнее в мире грёз и воспоминаний. Ведь всё то, былое, уже минуло, и значит на него никак не повлиять. Оставалось только вспоминать, смотреть в пространство пустыми, отрешёнными глазами и прятать нерешительную душу в прошлом.

– Мне кажется, здесь все легенды лишь про таинственные клады, да про отчаянных мастеров – такой Вунокорф – чуть с волнением протянула Деметра.

5

На улице вечерело. Обернувшись, Элея увидела двор: детская площадка, заключённая в кольцо асфальтовой автомобильной дороги; блекло-радужные скамейки у каждого подъезда, на всех, без исключения, ощущался след времени – жалкие дощечки едва держались, а многие, чаще всего крайние, были надломлены тяжёлыми человеческими телами; гуляющий мусор закручивался в маленькие вихри и задерживался лишь на редких кустарниках, заменяющих в здешних дворах деревья.

Таков был двор этого дома. Но Элея смотрела только на скамейки. Они с Дафнисом часто сидели на них, о чём-то говорили, были вместе.

Элея переехала в квартиру к Дафнису, когда ей ещё не было восемнадцати, и родители горячо отреагировали на такой поступок. Она буквально сбежала и спряталась у Дафниса на несколько месяцев, до своего долгожданного дня рождения. Словно принцесса в башне, только в башню она утаилась по собственной воле. Впоследствии Элея восстановила отношения с родными, чему главным образом поспособствовала болезнь Тараса, её отца. Пролежав четверть года в больнице и сильно ослабев, деспотичный отец потерял патриархальную хватку и стал немощным.

Элея жила у Дафниса, но стала по чуть-чуть навещать родителей. Это давалось с трудом, зато её действия мотивировала вина перед матерью, внушаемая дочке с самого рождения. А то, что Тарас какое-то время был в полулежащем состоянии и полностью зависел от жены, докручивало мысли Элеи до предела. Она страдала, но всё-таки не возвращалась обратно. Как потом думала: держалась за собственные фантазии.

До зимы жизнь Дафниса и Элеи была похожа на воду в бойлере – постоянно то закипала, то остывала, при этом никогда не вырываясь из этого бойлера. Но последние полгода разительно отличались от всего предыдущего. Отношения Дафниса и Элеи складывались стабильно. И, как это бывает, такая стабильность привела к разрушительной буре, к огненному шторму. Всё накопившиеся за зиму, всё недосказанное и закопанное глубоко в сугробы, вскрылось и взорвалось весной этого года. Процесс был подобен революции, но Дафнис, в угоду и своих лет и темперамента, не стал гасить протест как кровожадный диктатор. Нет, он просто сбежал с поля боя куда-то за границу, в свои запасные имения.

Тяжело было Элее. Ведь вся едва построенная новая жизнь – рухнула. И она снова ощутила чувство, с которым росла всю жизнь, сложно описываемое одним словом: одиночество, обиду и брошенность. В ней бы могла зародится и агрессия, Дафнис буквально предал и бросил её обратно в клетку страхов и боли, но она не испытывала ничего подобного. Обиду – да, но не агрессию. Элея прощала Дафниса. Ведь в её жизни было так много агрессии, что самой её натуре было противно это чувство. А жаль, порой для развития нужен огонь внутри.

Элея испытывала к Дафнису чувства, со временем огонь первых лет отношений спал, но осталась некоторая нежность и привязанность.

Было ли это любовью на самом деле? Сложно сказать, нужно отыскать словарь, в котором подробно описано это душевное состояние. Вчитаться в него, понять этот термин и сопоставить со сложившейся ситуацией.

И жила Элея, потому что жилось. Потому что была в системе. Благо, к тому моменту, с родителями контакт был налажен. Ведь если бы ещё не два курса института и не мать, которую она не могла бросить, девушка уже сошла бы с какой-нибудь высокой крыши, или же поглубже врезала бритву в свои тонкие кисти.

Как по щелчку, едва Элея вернулась в родительскую квартиру, вся её жизнь превратилась в какое-то пугающее безразличное шоу. В чёрно-белый ситком, с видом как в старой видеоигре – двумерным и отстранённым. Элея прошла через танковый шквал отцовских оскорблений.

К её возвращению Тарас уже крепко стоял на ногах, хоть и потерял в лице с десяток лет и лишился одного лёгкого. Элея выдержала все упрёки стойко, горделиво, впрочем, как и всегда. Она несколько дней терпела, скапливала, а потом, уединившись на крыше их одинокой пятиэтажки, проплакала всю ночь. Когда слёзы закончились, ей всё вокруг показалось безразличным и даже немного смешным. Мол, вот она какая, сидит на крыше, плачет, словно бы не она это вовсе, а безликий персонаж… Элея вернулась домой, пропустила сквозь голову родительские упрёки и долго смотрела в маленькое чёрное зеркало, подаренное ей когда-то мамой. Посмотрела, попротивилась от своего вида и твёрдо решила: надо худеть. Немного, несколько килограмм, ведь за зиму безделья с Дафнисом они много ели, и настала пора от этого избавляться.

Эти мысли были скорее упрямыми, чем угнетающими. Элея хотела доказать себе, что может быть твёрдой. Она достала из-под дивана весы, встала на них, и с того момента её жизнь покатилась по накатанной вниз.

То было в середине весны, а в июне Элее написала мать Дафниса и попросила забрать вещи, оставленные в квартире, где они с Дафнисом жили. Элея подошла к подъезду, но никак не решалась позвонить в домофон. Уже более получаса она стояла и плакала, слёзы обжигали её впалые щёки. Сейчас она была готова отдать жизнь, чтобы снова ощутить те «американские горки» с Дафнисом. Элея уже уняла душевную боль, и их былая жизнь стала казаться не такой уж и плохой. Она совсем забыла, как защитив диплом, Дафнис просто застыл на диване, подобно ледяной фигуре. Бессмысленно, скучно, и абсолютно уверенно. Настолько незыблемо, что Элея просто разбилась об него, как стекло, брошенное в бетонную стену.

Элея собралась с духом, набрала заветные цифры на домофоне, и через мгновение уже стояла в прихожей и развязывала шнурки на кроссовках. Выпрямившись, она увидела взгляд Деметры. Проницательная женщина определила и заплаканные глаза, и причины этих слёз, и то, что Элея с последней их встречи похудела более чем на десять килограмм. Она всё это заметила, но произнесла лишь тривиальное: «чай, кофе?».

Элея застыла в безмолвии, не в силах ни отказать, ни согласиться.

– Да соглашайся, вижу же, что кофе хочешь.

На кухне Элея сразу заметила отсутствие картины, что она дарила Дафнису. Когда-то на стене у обеденного стола висел большой розово-оранжевый слон. «На той самой кухне…» – закрутилось в мыслях – «На тех самы…»

– Ну что же ты себя так – сказала Деметра, оградив Элею от потока горьких и наседающих мыслей – Как с учёбой, третий курс же у тебя будет?

– Четвёртый… ну как с учёбой, идёт и идёт – ответила Элея и уставилась в окно.

– Ну ясно, а Дафнис, представляешь, в лес на выходных уехал – вклинила Деметра, содрогнув мысли Элеи.

Ей подобное о Дафнисе было странно слышать, ведь хоть они когда-то и ездили в лес, представить, что сейчас Дафнис возьмёт и сорвётся куда-то, для Элеи было невозможно.

– Да я сама не особо понимаю – начала мать. – Он выпросил у меня машину и уехал в какие-то дебри под Верблюдогорск, как обычно ни во что меня ни посвятив. Вот у тебя спросить хотела, что его туда могло завлечь.

– Вы же знаете, как у нас последние полгода складывались…

– Знаю, знаю, девочка моя – сочувственно произнесла Деметра.

– Что-то ничего такого не вспоминается… – задумалась Элея. – Хотя нет, знаете, у него карта какая-то была, бумажная, как раз с окрестностями где-то там. Только она у него оказалась после похорон, а тогда он уже со мной почти не разговаривал.

– Нда… что ему в голову взбрело… – озадаченно пробормотала Деметра с интонацией матери, в очередной раз разгребающей проделки неустанного чада.

– А что картину сняли? – невзначай спросила Элея, хлебнув кофе.

Приторно сладкий растворимый кофе осел на стенках гортани. Элея поморщилась. «Очередные быстрые углеводы» – думала она.

Глоток за глотком, и она смирилась, даже съела конфету. А затем ещё одну. Элея не чувствовала вкус, но ела и ела, сама того не замечая.

– Так это Дафнис ещё, она, по-моему, у него сейчас над монитором висит.

– А он разве не здесь сейчас живёт? – задала Элея вопрос, который тревожил её с момента приглашения за вещами. Элея твёрдо решила, что идёт исключительно к Деметре, и нет ей никакого дела до Дафниса. Но на протяжении всего пути она отгоняла назойливую мысль о том, что они с Дафнисом встретятся.

– Нет, он в бабушкину квартиру завалился, знаешь же, какая она у нас разъездная. То в одном санатории, то в другом – улыбнувшись, сказала Деметра. – Ну ты же про квартиру эту знаешь?

– Что именно – не понимая спросила Элея, посмотрев на Деметру невинно-страдающим лицом.

– Дафнис, он… – как бы нехотя начала Деметра – В общем, квартира эта по завещанию досталась Агамемнону… Ну и после вашего расставания они с Дафнисом повздорили. Ты же знаешь, какой он бывает в отчаянии… Все эти односложные фразы, безразличие, а Агам этого терпеть не может.

Агамемнон – старший брат Деметры, и, что важнее, Дафнису он приходился дядей. Страшным, гнетущим дядькой, извечно достававшим Дафниса. И не то чтобы он был плохим человеком, просто эти двое друг другу не подходили.

– Повздорив, Дафнис молча ушёл к бабушке и больше с Агамом не разговаривал – помедлила Деметра, смотря в грустные глаза Элеи.

Всех этих подробностей Элея не знала, и волей-неволей ей стало жалко Дафниса.

– Агам затеял квартиру сдавать, вот я тебя за вещами и позвала.

Элее стало грустно, хоть она и жила здесь на птичьих правах, но породнилась с каждой вещью в квартире. От мыслей, что стоять среди этих стен, сидеть на этих стульях, лежать в этой кровати будут какие-то неизвестные люди, стало совсем отвратно. И не жадность охватила её – чувство горькой утраты разлилось внутри девушки. Невозможность на это повлиять и безвозвратность минувшего угнетали Элею. Она чувствовала, как с каждым днём их былая жизнь с Дафнисом необратимо отдалялась, и будущее не сулило ничего доброго и тёплого.

Уже уходя, Элея задержалась в уборной, и наблюдающая со стороны Деметра услышала лишь долгое журчание включенного крана. Элея вышла, как бы незаметно промокнула губы рукавом широкой чёрной толстовки, схватила вещи и ушла.

Когда Деметра закрыла за ней дверь, Элея ещё какое-то время смотрела на вход в квартиру. Она будто застыла минут на пятнадцать, пока кто-то этажом выше не хлопнул дверью. Элея испугалась что её заметят и убежала вниз по лестничной клетке.

6

В одном окне проносились идущие на встречу автомобили. В другом пролетали берёзы и сосны, изредка ели. Чем дальше продвигался автомобиль, тем меньше становилось елей. Машина двигалась на юг.

Идущий впереди автомобиль сел на хвост громоздкой фуре. Он всё старался её обогнать, но, каждый раз выныривая, прятался назад. Словно этот белый автомобиль был ребёнком, выглядывающим из-за подола маминой юбки – вокруг целый мир, но возле нее безопаснее.

– Можно – сказал водитель автомобиля, тихо наблюдавший с расстояния за отчаянными попытками.

Моментально повинуясь, как будто только этого и ожидая, грязно-белый автомобиль лихо вывернул и, преодолевая сопротивление, обошёл большущего грузовоза. Через несколько минут, водитель автомобиля, занявшего ослеплённое место подле фуры, спрашивал:

– Ну что там, Дафнис?

–Подожди… рано пока.

Пролетела очередь из шести разных машин.

– А теперь? – нетерпеливо воскликнул водитель высоким тенором.

– Да, можно, езжай.

И он сорвался. Без капли сомнения, полностью доверившись другу, вывернул из-за большевоза. Ярко блестящий автомобиль чётко встал на встречную линию, и водитель ударил ногою в педаль. Машина взвыла и, продираясь через земное сопротивление, начала обгонять фуру. Будто вцепляясь зубами в невидимую плоть, через считаные секунды она отпустила, увернув обратно.

– Двадцать второй – сказала девушка, сидящая в машине обогнавшего водителя.

Улыбнувшись, он зажал кнопку на рации и произнёс:

– Слышь, Дафнис, уже двадцать второй. – Он отжал кнопку.

Через три секунды прозвучал ответ:

– Двадцать третий – сказал Дафнис в аналоговое устройство. Старинная рация не смогла передать злорадную интонацию, но тот, кому Дафнис это говорил, знал его достаточно хорошо, и чётко вообразил кривую усмешку.

– Ну нечестно так, он сразу после тебя на заправку свернул.

– Честно-честно – прошипел Дафнис в рацию.

Платон, водитель красной машины, часто играл в эту игру с Дафнисом. Бросив монетку на начальной заправке, они определяли, кто поедет первым. Цель – совершить б*о*льшее количество обгонов до финальной точки, в данном случае – до грунтового поворота на озеро Преспакуль. Игру придумал Дафнис, вернее сказать, где-то вычитал и частично переработал. Появились такие коррективы, как: запрет на покидание зоны видимости друг друга; обгон только крупногабаритных медленных машин, будь то фура, грузовик, или лесовоз, проще говоря, любого не легкового автомобиля; приз победителю осуществлял проигравший – посредством пополнения бензобака; также важным правилом была безоговорочная взаимовыручка.

Дополнив игру подобным образом, Дафнис вынес за скобки технические характеристики участвующих автомобилей, так как нужда гнать на полной скорости отпадала. Игра из заурядных гонок превратилась в стратегическое соперничество, где преимуществом являлся только гибкий ум, и за исключением – случай. Именно благодаря случаю Дафнис сейчас лидировал.

Через час он , довольный, пожимал руку не менее довольному товарищу. Красный автомобиль так и не смог изменить положение дел, Дафнис выиграл с отрывом в три очка. Но Платон не печалился, его одолевали другие чувства. Проигравший был доволен самим состязанием. Оба наслаждались послевкусием гонки.

Гонщики припарковались на грунтовой обочине. Из машины вышла Исида, жена Платона. Сильный порыв ветра сразу же сорвал с неё капюшон, она недовольно фыркнула, и, накинув его обратно, затянула верёвки, прижимающие его к голове.

– Что решили? – спросила она.

– Вот, по карте нам ещё метров сто прямо, потом налево и по лесной дороге вдоль озера искать полянку – улыбнувшись, сказал её муж.

– Дафнис, а ты точно уверен, что проблем не будет? – продолжала Исида

– Если ты про учёных, то нет, думаю, не будет. Я почитал отзывы об этом озере, никаких упоминаний о них за последние несколько лет не было.

По общедоступной информации, на берегу Преспакуля уже давно базировался лагерь учёных-геологов, и водоём относился к их зоне влияния. Но в сети имелся только допотопный сайт с недействующими номерами телефонов и одно видео, в котором какой-то профессор рассказывал про необыкновенные артефакты, найденные в окрестностях. В этих горных местах такие лагеря не были редкостью, и в народе им особого внимания не предавали.

– Давайте не будем терять времени – встроился Дафнис. – До заката менее трёх часов, а нам ещё место найти, лагерь разбить и разжечь костёр. – Он утвердительно посмотрел на Исиду.

– А что ты на меня смотришь, поехали – удивилась она. – Как будто это я тут десять минут стояла с довольной ухмылкой.

Достигнув последней поляны, они решили остановиться, дальше дороги не было. Кострище на этой поляне уже имелось и не самое худшее, а вокруг стояла пара пней и одна поваленная берёза. Платону местечко показалось даже чересчур идеальным.

Через тридцать минут друзья уже застилали спальники в свои временные жилища. Дафнис поставил палатку в отдалении, ближе к воде. Подготовив всё ко сну, он направился к Платону с Исидой, сидящим у только зажжённого костра.

7

– В принципе, я не согласен – произнес Дафнис.

– С чем именно? – интересовался Платон

– С тем, что высшая форма развития человечества – это коммунизм. – прозвучало захмелевшим голосом.

Платон уставился на Дафниса, но помимо недоумения, его лицо выражало изрядную заинтересованность. Дафнис, довольный тем, что заинтриговал друга, сделал глоток из жестяной банки и начал:

– Коммунизм же подразумевает полное отсутствие собственности, иным языком, от человека для человека – помедлил он – Но нигде не прорабатывается вопрос что делать в случае появления в таком обществе не подходящего для него индивида. То есть, у которого по каким-то определённым причинам чересчур развито чувство собственности.

– Подразумевается, что у народа подобных чувств нет, а значит и быть такого человека не может – оспорил Платон и косо поправил большие круглые очки.

Дафнис не мог оторвать взгляд от крутящейся желтоватой жидкости, которую пил Платон. Друзья были сильно пьяны.

– Да, хорошо, ты прав, но это лишь в утопии – продолжил Дафнис, спустя пять минут. – На практике же, что мешает какой-нибудь среднестатистической матери развить у ребёнка комплекс, что все вещи принадлежат ей. То есть, он не имеет ничего своего, а значит, подсознательно будет стремиться во взрослости всё заполучить – он сделал паузу чтобы перевести дыхание. – Мать может твердить это из благих побуждений: если ребёнок поймёт, что эти вещи принадлежат не ему, то и ломать их не будет. Но, как известно, благими намерениями – дорога в ад… Так ведь оно?

– Так, да и не так – протянул пьяный Платон.

– В смысле?

Он положил в костёр сухое полено, и огонь почти сразу начал обжигать лоб и колени. Дафнису даже пришлось слегка отодвинуть свою колоду до комфортного уровня.

– Вот смотри – начал Платон. – Ты рассуждаешь об этом всём с точки зрения личности капиталистической, так как в этой среде сформировался. И надо понимать, что подобный пример не выдержит совершенно никакой критики, поскольку при абстрактном коммунизме не может быть никакого личного имущества – продолжил он своим высоким голосом. – Помимо прочего, должны же быть организации – на второй «и» он икнул – которые занимались бы исключением из общества таких индивидуальностей.

Дафнис было вскочил, но Платон жестами загасил его начинание.

– Подожди-подожди, не важно, имущество не имущество, суть в том, что и в реалиях предложенного мира никто не застрахован от подобных аспектов воспитания. Скажем, не личными вещами она бы его попрекала, так общими. Это вообще хуже, ребёнок был бы виноват не только перед родителем, так ещё и перед обществом. А значит, травма такая же, если не сильней.

Дафнис молча согласился и отпил пива из жестяной банки.

– Я что хочу донести – продолжал Платон. – Во-первых, как ты уже сказал, это утопия. А во-вторых… – он поднял перед собой палец, требуя подождать, помедлил, икнул и сделал глоток вина. – А во-вторых, рассуждать нам сейчас, примеры приводить, это всё очень… мелочно. Не подумай, говорить можно что угодно, особенно здесь… – Он рассмеялся и огляделся.

Вокруг была пугающая чернота соснового леса.

– Мы с тобой, двое, сидя здесь, где-то в отдалении от всех городов, разве можем что-то поставить против умов, это всё осмысливших и донесших до нас – сказал он после паузы.

– Я в безмолвии склоняю колено. – Платон соскочил с поваленной берёзы, служившей ему лесным диваном, попытался склониться на колено, но запнулся и повалился наземь. Они оба захохотали.

Когда друзья снова расселись, Дафнис заговорил.

– Я лично ни перед кем колено склонять не буду, но с тобой соглашусь. Мы сейчас как великие труды Нинель.

– В каком плане? – слегка протрезвев после падения спросил Платон.

– Нинель брала лишь верхушку знаний, не вчитываясь в «мясо» текста. При этом она осуждала и утверждала, говорила что лучше для народа, а что хуже; когда им помирать от голода и обвинять в этом буржуев, а когда радоваться и благодарить за это власть. И всё-таки нужно признать, что такие неполные познания никак не мешали править.

– Да… – согласился Платон. – С такой стороны мы как Нинель – поверхностные.

– Интересно, что режимы, где достижение коммунизма планировалось через социализм, проверку временем не прошли. Почти все рассыпались, а единственные, что держатся, либо напрямую связанны с капитализмом, либо же слишком молоды и ещё не пришли к своему краху. Так уж происходит, что человек стремится к более либеральным формам правления. Проще говоря, идёт туда, где комфортнее. А если надо – капитализм располагает бесконечным комфортом.

– Да… – сказал Платон, зевая. Он начинал засыпать.

Дафнис подкинул в костёр ещё одно сухое полешко. Сосновое бревно заискрилось, пламя окрепло и опять начало обжигать лоб. Они сидели и взирали на водную гладь. Платон явно плохо видел звёзды над спокойным озером, ведь очки давали ему от силы семьдесят процентов видимости в ночное время, так что он мог только представлять их красоту.

Дафнис засмотрелся на другой берег. Там, на вершине горы, стояла едва видимая антенна с прожектором. Свет от горного фонаря крутился по кругу, как на маяке. Но пьяное внимание быстро переключилось на вовремя поступивший интересный вопрос.

– То есть, получается, после смерти ничего не будет? – спросил Платон, задумавшись.

– А тебя это правда беспокоит?

– Да не то, чтобы…

– Не было бы смерти – не было бы нас. И вообще, скоротечность жизни побуждает жить. Творить, свершать, развиваться. Бессмертие – стагнация для человечества. Хотя и необъективно говорить об этом, будучи смертным. Вот как обрету бессмертие, там и поговорим – усмехнулся Дафнис.

– Нет.

– Что нет?

– Не поговорим. Нет у меня желания быть бессмертным – охолодев, вымолвил Платон

– Почему же?

– Ужасают мысли о том, что можно видеть смерти всех тех, кого ты любишь. Хотя бы представить, что я переживу Исиду, и не по старости, а в твёрдом теле и ясном разуме. Вот кара так кара – сказал он и посмотрел в сторону палатки, где спала жена.

Подул ветер, и сосны зашелестели. Ночь начинала отступать, с ветром прилетел утренний озноб. Дафнис мягко зевнул и решил двигаться в сторону палатки, так как уже доходил четвёртый час утра, хотелось спать. Тот взгляд Платона вдруг напомнил Дафнису чувства, которые он не испытывал уже более двух месяцев. Эти два месяца ощущались как два года. Он скучал по Элее и ненавидел её. Только думая, что ненавидит её, он ошибался.

– И всё же странно, как люди безвозмездно могли уповать в идею коммунизма? – бросил в тишь леса риторический вопрос Платон.

Дафнис не отвечал, он тихо попивал пиво и всматривался в огонь. Кажется, там плясали огненные саламандры. То тут, то там, они мелькали хвостами из-за горящих дров, такими оранжево-красными, в чёрную крапинку.

– Во что ты охотнее поверишь: в волшебную сказку или в суровую реальность? – спросил Дафнис.

– Да… – зевнул Платон. – Ты прав.

Последние угольки плавно тлели, огня уже совсем не было. Утка, взяв разгон, процарапала пол озера и только потом взлетела. Вода заиграла маленькими колебаниями. Светалось, мрачные силуэты сосен прояснились в утреннем тумане. Платон предложил пойти спать, Дафнис охотно согласился.

Подойдя к палатке, он засмотрелся на звёзды, едва видимые в уже сереющем небе. Хмель и солод, ударившие в голову, делали их необыкновенно красочными. Захотелось их сфотографировать. Хоть Дафнис и был пьян, он чётко понимал, что обыкновенное фото на смартфон никак не передаст всех испытываемых чувств. Фото он делал для другого, более хитрого замысла – хотел запечатлеть момент, чтобы, просматривая фото, вспоминать ощущения, своё состояние, эту ночь.

Протянув руку в карман, он понял, что смартфона там нет. Дафнис спохватился. Интенсивно соображая пьяным мозгом, он побрёл обратно к костру. Там, у колоды, в еловой сухой хвое лежал телефон. Дафнис с облегчением схватил его и уселся на пень. Много ли надо человеку: получить, потерять, искать и вернуть; после такого жизнь сразу становится интереснее. Тут Дафнис увидел возле поваленной березы какой-то предмет.

– Неужто и Платон тоже выронил телефон, когда на земле валялся? – тихо проговорил он вслух.

Дафнис встал, подошёл к берёзе и подобрал складной металлический ножик. Нож был изящной формы, рукоятка из светлого дерева идеально смотрелась в сочетании с небольшим, чуть загнутым лезвием. Клинок прятался в прорезь в рукоятке и фиксировался металлическим обжимом на месте гарды. Дафнис свернул ножик, зафиксировал его обжимным кольцом и убрал в карман, с желанием вернуть его завтра по трезвости.

Вернувшись в палатку, он склонился к ней лицом и начал развязывать шнурки. За спиной зашелестела листва. Дафнис оглянулся и увидел какое-то движение за деревьями. Из чащи вышел человек.

8

Таксист вез Элею домой по ночному городу. Они въехали на «50 Лет Коккино», – между горожанами её называли Пятидесяткой. В городе были и «тридцатки» и «шестидесятки», но «семидесяток» не было.

Кругом засверкали яркие фонари широкого проспекта. Таксисту девушка была безразлична, но Элея безустанно следила за его затылком, чтобы в любой момент среагировать. Но что она могла в таком положении? Выпрыгнуть? Закричать? Первое – безумно, второе – бесполезно. Осторожность Элеи за это лето начала граничить с паранойей. Вдобавок гнетущие новостные сводки про учащение процента изнасилований и убийств… Но что было делать, не пешком же идти в такой час.

Элея возвращалась уже от третьего парня за этот месяц. И нет, не из его квартиры, не из отеля, а из обыкновенного ресторана в центре города. Причём, уже второй раз из одного и того же. За время жизни в одиночестве, её накопительный счёт, худо-бедно росший во время отношений с Дафнисом, иссяк. «Счёт светлого будущего…» – подумала Элея. Доброта очернилась, ощетинилась серой реальностью.

Примерно в то же время, неделю назад, она ехала с прошлой встречи. И если в начале вечера цинично-ироничные параллели с прошлым свиданием сновали в голове тут и там, то сейчас их было в разы меньше. Элея была измучена, и более чем обычно мрачна. Она понимала, что о ресторанах и такси придётся на время забыть.

Красное вино давило на череп, в машине было душно. Элея никогда в жизни не решилась бы привлечь внимание просьбой открыть окно. Девушка не пыталась рассуждать, о том, что опять сделала не так в ресторане. Она просто молча смотрела в запотевшее стекло, уставший мозг отказывался что-либо анализировать.

Приехав, Элея вышмыгнула у доски почёта Нинельского района. Мрачные лица едва виднелись под мерцающим фонарём и смотрели на девушку из другой эпохи. Эти портреты в облупившихся гранатовых рамках были словно надгробия с прилагающимися эпитафиями: «Славный глава Нинельского района – Чирилло В. В» или «Победоносный полководец 1201-ого полка – Хлорос З. З.». Сейчас эта доска и правда исполняла роль публичного надгробия, так как все изображённые, за исключением одной седоволосой женщины, были мертвы.

Целенаправленно подставив лицо под потоки холодного ночного ветра, Элея слегка взбодрилась. Ступив на заросший хилыми одуванчиками газон, она нашла проторенную тропку и быстро прошла за бледный монумент доски почёта, углубившись в привычную темноту старых дворов. Привычную, и обыкновенно пугающую.

Плохо, когда человек привыкает к страху, когда чувства его притупляются. Больше шансов проглядеть настоящую опасность. Элея об этом знала и нервозно оглядывалась по сторонам.

Старым, пустым и страшным в очередной раз предстал перед ней собственный двор. Ночь была как ткань чёрной рубашки, плотно прилегающей и скрывающей все изъяны. Потрескавшийся фасад дома скрывался в ней, словно стыдясь своего обличия. Но каждое утро неизменно, и от этого столь ужасно, оголяющее солнце срывало все ткани.

Лишь у двух из шести подъездов горел свет. У одного – белый и холодный, у другого – жёлтый и тёплый, но оба светильника были старыми и тусклыми. Во времена Империи, такая придворная улочка и дворик освящались круглосуточно. Каждый подъезд сверкал жёлтым светом, символизируя достаток и громогласность прогресса. Но Элеи тогда ещё не было. Зато она застала, как её мать кровью и нервами выбивала этот фонарь у ленивого Жилищного Управления; как она носилась с кипой справок между одинаковыми деревянными дверьми, словно одержимая. Маленькая Элея тогда не понимала, зачем мать совершает эти действия. Тарас

говорил так: «Дура, на бюрократов полезла, не те годы сейчас». Элея негодовала, но её протест разбился об слова соседской девочки на детской площадке. Розовощёкая, шепелявящая, шестилетняя Сара как-то сказала: «А заль, что швет у ваш горит, так бы в темноте шветлячков увидали». После этой фразы Элея плакала полночи и в итоге сошлась с мнением отца. Но ребёнок понял только слово «дура», из-за чего порой неосознанно стыдился матери. Только потом, когда Элея прокрутила свои травмы через кофемолку осознанности, она смогла всё понять. В душе разгорелся уже другой бунт, более обоснованный и более взрослый, но не менее яркий. Пожив продолжительное время в этих мыслях, Элея, не раздумывая ушла к Дафнису при первой же возможности.

Девушка запнулась и неряшливо шмыгнула с бордюра, подставив руки так, что пострадали только джинсы на правом колене. Элея поднялась, отряхнулась, и посмотрела по сторонам. Никто не видел этого позора, кругом царила ночь. Но вместо того, чтобы почувствовать привычное облегчение, Элея испугалась, испытала такое чувство, кое испытывает замыкающий пешего конвоя в ночном лесу. Он смотрит назад и пугается тьмы и неизвестности; он старается, не подав виду, быстрее приблизится к впереди идущему. Но для Элеи этим «впереди идущим» был ближайший освещённый подъезд. К счастью, нужный подъезд. Как в детстве, Элея боялась обернуться, забежав под бетонный козырёк крыльца, она потянулась в сумку за ключами, и тут завибрировал телефон.

– Алллоо… – растянула Элея в смятении, чуть дрожа.

– Алло, здравствуй Элеечка, прости, что так поздно, можешь говорить? – волнительно спросила Деметра.

– Здравствуйте, конечно, что произошло?

– Спросить хотела, нет ли у тебя номера Платона, вы же когда-то собирались вместе.

– Хм… – задумалась Элея. – Нет, но я могу достать, я с Исидой, его женой, иногда переписываюсь. Только расскажите, что случилось. И к чему такая спешка?

– Ну… С чего начать… Ну да ладно, чего томить, Дафнис уже более шести дней в лесу, на связь не выходит.

Элея замялась.

– Подождите, расскажите всё по порядку.

– Он уехал в субботу, и в понедельник, когда должен был вернуться, позвонил и сказал, что останется ещё на три-четыре дня и не звонил больше. Я, конечно, перенервничала, но что делать, сказал, что хочет побыть в лесу один. Ему всё-таки не шестнадцать, способен уже адекватно рассуждать.

– Сомневаюсь – вполголоса сказала Элея.

– Что говоришь?

– Да говорю, жаль мне вас, что сын у вас такой.

– Не расслышала, повтори пожалуйста – Деметра будто специально раззадоривала на эмоции.

– Говорю, сопереживаю, что сын у вас такой – надрывисто прокричала Элея в телефон.

В окне первого этажа загорелся свет. Элея быстро достала ключи и забежала внутрь

– Каким воспитала… – Наконец прозвучал грустный ответ

– Простите, не хотела обидеть. Сейчас достану номер Платона.

9

Дафнис усиленно прогонял остатки опьянения. «Человек…Ночь…» – пытался соображать он, глядя на часы, обычные шагомеры, которые дополнительно показывали время. На циферблате было четыре часа семнадцать минут.

– Простите за беспокойство, раз уж вы взглянули, который час? – сказал мужчина приятным голосом.

Он уже вышел из чащи и отряхивал листву с камуфляжной куртки. Любезность мгновенно смягчила пугающий образ.

– Пятнадцать минут пятого.

– Не успел… – шёпотом проговорил мужчина.

– Что не успели?

– Уже не имеет значения.

Образовавшаяся пауза ещё больше смутила Дафниса.

– А вы вообще кто? – сказал он, окончательно согнав сонливое опьянение.

– Я? – переспросил мужчина и хитро заулыбался. – Я… Скажем, блюститель ночного порядка.

Дафнис не мог собраться с мыслями: «мужчина, лет около тридцати, бородатый, улыбается». Полуосознанно он провёл пальцем по карману, где лежал ножик Платона.

Блюститель закончил отряхивать маскировочную куртку, перетянутую портупеей в районе талии, и стал взглядом изучать Дафниса.

– Расспрашивай – сказал он баритоном, вновь ставшим мягким и приятным.

Дафнис, не смутившись открытости человека, напрямую спросил:

– Что вы здесь делаете?.. И кто вы?

– Делаю я здесь… – опять таинственно заулыбался мужчина. – Предположим, смотрю за тем, чтобы пьяные туристы чего дурного не натворили.

Дафнису это сразу показалось ложью, но спорить он не стал.

– А про то, «кто я», ответ уже дал.

– А… Вы из геологов, тех, которые где-то здесь сидят.

– Да вы, я погляжу, подготовились перед отдыхом – ободрительно сказал мужчина. – Вы правы, я из геологов, провожу утренний обход.

– А вы же знаете про зону, которая где-то здесь? – спросил внезапно Дафнис.

– Какие вопросы! – поразился геолог. – Знаю, конечно, мы вообще-то её и изучаем.

Только Дафнис собрался спрашивать дальше, как мужчина его перебил.

– Хоть мне и редко встречаются такие люди, но ваше любопытство я понимаю. И всё-таки у меня дела. Позвольте, я завершу обход, вернусь и всё обсудим. Мне бы тоже хотелось задать вам некоторые вопросы.

– А по времени? – соглашаясь, спросил Дафнис.

– Так… ну, сейчас пять будет… – вполголоса говаривал мужчина, пытаясь сообразить. – К двум дня подойду, предположим, примерно после обеда.

Дафнис кивнул.

– Тогда не прощаемся – сказал геолог и направился к сосне, стоящей прямо у глади озера.

Он зашёл в воду, слегка притопив кожаные берцы, скинул рюкзак и достал из него какое-то устройство в виде цепи с ручками. Через мгновение, предварительно закинув рюкзак обратно на спину, он обнял сосну руками и параллельно обвязал этой цепью ствол дерева. В считанные секунды мужчина взмыл вверх по стволу, произвёл какие-то действия на высоте трёх-четырёх метров и спустился обратно, опять углубившись в чащу.

Все эти утренне-ночные действа произвели на Дафниса сильное впечатление. Он поразился такому нестандартному геологу. Во всяком случае, геологу, не отвечающему представлениям Дафниса об этой профессии. Он заполз в палатку, переполненный эмоциями. И как только завернулся в спальник, усталость моментально настигла его и повалила в сон.

Но как же предрекания о важности этой поездки обратились обычной лесной попойкой с друзьями?

После того, как Дафнис созвонился с матерью, он криво-косо начал строить план на поездку. Целью стал сбор хоть каких-то сведений о месте на карте прадеда. Душа Дафниса снова загорелась, он не мог смирится с тем, что прадед вместо квартиры оставил ему какую-то глупую карту. Разобраться с этим вопросом сидя на диване не получилось, и он решил действовать.

После пятничного визита, на что так рассчитывал Агамемнон, план Дафниса кардинально изменился, вернее будет сказать, разрушился. Во-первых, он в очередной раз соприкоснулся с негодованием дяди, что только укрепило желание разобраться в наследстве. Ведь прадедушка любил Дафниса и знал об их взрывных взаимоотношениях с Агамемноном. Прадед даже в какой-то момент защитил право Дафниса жить с Элеей в его квартире. Это произошло прошлым летом, когда пара отдыхала вне города. Агамемнон уже тогда начал выпрашивать у деда эту квартиру, дабы сдавать её в аренду. Но дедушка непреклонно дал отказ, погрозив лишить внука вообще какого-либо наследства. Зная это, Дафнис никак не мог понять, что случилось в голове прадеда, объясняя решение давлением со стороны Агамемнона и старческой слабостью характера. Но что было на самом деле – не знал никто.

Окончательно план разрушила информация, полученная от Деметры. Не раскрывая своих настоящих целей, он расспросил мать про детство деда. И тогда стало понятно, что означало «....ю....го..к..» на оборванной карте. «Слюдогорка» – так называлась деревня, в которой до двадцати двух лет жил прадедушка. Также мать, сама того не ведая, разрешила ещё один вопрос этой головоломки. Причиной, что на современных картах этой деревни нет, служила техногенная катастрофа.

Давным-давно, во времена общей секретности Империи Коккино, на одном из многочисленных заводов произошёл химический выброс. Этой информации практически не было в сети, поэтому Дафнис впитывал её слово в слово, постоянно переспрашивая мать. Радиационное облако удивительным образом полетело в сторону между Самоцветинском и Верблюдогорском и легло на относительно незаселённую территорию, на заповедный лес. Наибольшая доза радиации пришлась как раз на деревню прадеда и прилегающие шахты по добыче руды. В считаные дни население Слюдогорки эвакуировали, а дома сровняли с землей и закопали. Только шахты оставили без внимания. Естественно, всё это было надежно засекречено.

На каждый закрытый вопрос приходилось по пять новых, и история превращалась из обыкновенной Медузы Горгоны в многоголовую Гидру. Главное, что осознал Дафнис – вся его бесконечно воодушевляющая идея поломалась об суровую действительность, которая вдруг появилась айсбергом в мальчишеском океане мыслей. И в тот же день всё обдумав, он максимально выгодно извернулся из данной ситуации, ведь машиной на три дня себя уже обеспечил.

Не говоря матери ни слова, он в тот же вечер созвал друзей в поездку. Откликнулись только Платон и Исида. Местом было выбрано озеро, с которого Дафнис и хотел начинать поиски. От зоны оно находилось в отдалении и располагало туристическими стоянками, что было на руку компании друзей. Дафнис подумал, что за шестьдесят лет радиация, особенно по краям выброса, совсем улетучилась, правительственный надзор над территорией ослаб, и остался только небольшой лагерь учёных-ботаников. Друзьям Дафнис ничего не рассказал.

Над палаткой мелькнул отголосок звёздного света, растворившийся в утреннем солнце. Застучал дятел, и с сосны медленно посыпалась хвоя. Две утки приземлились на озеро, взбудоражив всю водную гладь. Лес проснулся, а Дафнис погрузился в глубокий сон.

10

Еловая ветка ударила по лицу. Если бы какой-нибудь утренний рыбак проплывал сейчас по водной глади, то мог бы увидеть мужчину черноволосого, роста чуть выше среднего, упитанного телосложения, но, в угоду деятельности, не располневшего. Мужчину, облачённого в профессиональный костюм: простые кожаные берцы, зашнурованные до середины голени; коричневые штаны-карго с набитыми карманами; зелёную камуфляжную куртку типа «горка» с капюшоном. Также на портупее висел топор в «намордник» – незамысловатом кожаном фиксаторе на кнопке, а на бедре крепился немалых размеров нож. Весь этот комплект дополнял увесистый рюкзак.

Гермес несчётный раз шагал по этой тропе, но ни разу не встречал здесь рыбаков. Обычной рыбы в озере Преспакуль не водилось. Лесная дорожка, невидимая городским взглядом, петляла. То Гермес шёл в возвышении над озером, хрустя еловой хвоей, то спускался к водной глади, уходя в неё по щиколотку. Так или иначе, он совсем не замечал обыденного пути и бубнил под нос свои мысли. «Где же я ошибся… на второй, или на третьей… Кажется, на второй. Долго не мог найти карту памяти. И на «Мысе» прошёл чуть ниже, неожиданно выйдя в лоб скале. Да!» – негромко вскрикнул Гермес. «Да, скала у меня съела минут десять, и карта памяти тоже… Вот и определил недочёт. Хорошо».

Гермес остановился и прислушался. Торопится было некуда, в собственные сроки он уже не вписался. Зашелестел ветер. Как только порыв утих, в кроне над Гермесом зашелестело что-то ещё. Он пригляделся и увидел небольшого бельчонка. Гермес встал на колено и достал из кармана целлофановый мешочек с нарезанной морковкой. Взяв её в руку, он вытянул открытую ладонь и замер, окончательно сливаясь с лесом. Через несколько минут зверёк спустился. Он двигался аккуратными перебежками от сучка к сучку, по спирали огибая ствол дерева. Гермес плавно опустил ладонь к земле, бельчонок моментально среагировал и забежал обратно за сосну. Ещё через несколько минут крохотный зверёныш, пересилив страх, побежал вперёд и остановился на половине пути до заветной цели. Выждав ещё немного, бельчонок подскочил к Гермесу и схватил морковку. Держа оранжевый ломтик в лапках, он отбежал в сторону и начал жадно грызть, не сводя глаз с геолога.

Такой прикорм он осуществлял регулярно, но именно этот бельчонок спустился к нему впервые. Для городского обывателя это показалось бы странным, но на шестой год жизни в лесу волей-неволей Гермес начал различать и белок, и зайчат.

«Шестой год и двадцать четвёртый день рождения. С каждым днём в лесу всё сильнее и сильнее ощущаешь мизерность своих познаний. Чем выше лезешь в гору, тем больше видишь вширь. Вот что Я в сущности? Закончил присвятейший «горный»… Лучший вуз города» – недовольно протянул про себя Гермес. «Имею корочку эту треклятую… в сущности то, что Я? Что Я есть?! Что после себя миру оставлю? Хрен с ним, с миром. Хожу, значит, разгребаю это всё. Проделки властителей этого мира. Сэкономили, прибрали в карман, а тут рвануло. Не выдержало наглости. И полетело облако ни злое, ни доброе; ни корыстное, ни жертвующее. Полетело облачко и осело. И прижгло все, что под ним. А мне ходи и смотри, чтобы никто туда не полез, да и не вылез оттуда. Хотя ни того, ни другого уже под пятьдесят лет не было».

Утреннее солнце первый раз зашло за тучу, и Гермес увидел «маяк». На другом берегу, почти на самой вершине горной гряды, стояла металлическая установка с ярким прожектором на макушке. Гермес остановился на берегу в тени серой тучи. Он закурил. Ещё вчера, накануне именин, ему подарили импортные сигареты. Одна из пачки, тонкая, чёрная, с сочно-влажным табачным вкусом, сладко дымила на весь лес. «Маяк» плавно вращался, посвечивая светодиодами.

Спустя две трети выкуренной сигареты, здоровенная туча отцепилась от солнца и поплыла восвояси. И словно по волшебству «маяк» исчез. Словно и не было на той горе ничего. «Вот, пожалуйста, ещё одно чудо. Оптическая иллюзия» – включился из забытья Гермес и пошёл дальше. «Точнее, не иллюзия, а настоящая люзия, единственно верная и необъяснимая правда. Аномалия с ультрафиолетом». Гермес потёр глаза и достал из нагрудного кармана солнцезащитные очки. Надев их, он посмотрел на вновь появившийся «маяк». «Чудо!» – воскликнул он, продолжив думать: «И зачем оставлять такому миру что-либо, миру, халатно допустившему непроизвольные чудеса. Ведь ладно эта, безвредная аномалия, а есть ведь и вредные. И очень вредные. Но вопрос открыт, если не этому проклятому миру, то хотя бы кому-нибудь. Какой-нибудь не испорченной душе… Да пусть даже и испорченной… Любой душе. Как-то сильно меня в этот раз утянуло, даже сигареты не спасли. Интересно, что ребята приготовили к празднованью. Если Агафона, Феодору, Исидору я разгадать могу, то вот остальных…Фотину и Аристарха, совсем никак». Фотина, невысокая, умная и хитрая женщина – глава поселения, а Аристарх – ее муж . Все практично-бытовые сооружения были косвенно или напрямую связаны с Аристархом. А за всю научно-геологическую начинку отвечали два брата, Акакий и Бахус, оба невысоких, возрастом немалым за полтинник, противоположные друг другу в корне. Также на всё лето из геологического института Верблюдогорска приезжала Варвара, младшая сестра братьев.

Дошагав до последней пятой станции, Гермес приступил к привычным действиям. Он подошёл ко пню, лежащему наполовину в озере, и вскрыл маскировочную крышку. Бревно оказалось пластиковым, внутри располагалась видеокамера, направленная на «маяк». Гермес сменил аккумулятор и заменил карту памяти, протёр линзу салфеткой и защёлкнул крышку обратно, затем записал в тетрадку показания трёх счётчиков, спрятанных неподалёку. Наконец, он угнездился в центре поляны на голую землю и снова закурил.

Так закончился обход в шесть станций. Седьмую он посещал в четыре раза реже, единожды в месяц. Она находилась далеко от общей цепочки станций, надо было плыть на лодке, а потом карабкаться в гору. Поэтому её автономность смогли довести до тридцати дней. Там стояло аж три камеры и много разных счётчиков, датчиков и других измерительных приборов. Всё это техническое безобразие питал здоровый автомобильный аккумулятор, герметично упакованный в плёнку. От ещё одного такого был запитан «маяк», располагающийся неподалёку.

Гермес завершил путь рядом с южным забором заповедника, но смотреть на него в очередной раз ему не хотелось. Это был обыкновенный забор, но при его виде всегда появлялись тревога и внутренний страх. Хотелось развернуться и бежать.

От крайней с юга станции – «Развилки», стена находилась в пяти минутах тихой ходьбы. «Что я там не видел, вал земляной, частокол из брёвен, потом два метра буферной зоны и обычный металлический сетчатый забор. Ну и знаки – «Аккуратно. Биологическая угроза! Держите дистанцию!». Вот и буду держать» – Гермес затушил окурок об подошву ботинка, сложил его в мешочек и направился обратно в лагерь.

Через несколько часов он снова шагал вдоль берега, приближаясь к «Мысу». В лагере его поздравили все, и даже больше. Приехавший накануне седой круглопузый мужчина подарил Гермесу волчий клык. Придя в штаб для отчёта, Гермес увидел, что Фотина общалась с каким-то невысоким мужчиной в белой льняной рубашке. Он много раз его видел, но не был знаком лично. Фотина принялась поздравлять Гермеса. Бородатый мужчина стоял слегка посторонившись, но как только Фотина закончила, вступил с речью. Назвавшись «неравнодушным», он выдал красноречивую тираду про замечательный возраст – двадцать четыре, а затем снял со своей шеи амулет и передал Гермесу. На именинника это произвело колоссальное впечатление, и он ушёл заряженный и воодушевлённый.

Гермес знал, что мужчина как-то финансово связан с деятельностью поселения, но за все пять лет пребывания здесь, только сегодня впервые смог с ним поговорить.

К обещанному «после обеда», Гермес вышел на четвёртую станцию, по совместительству туристическую стоянку. Он обошёл сосну, чуть выпрямился и встретился взглядом с Дафнисом.

11

– Что дальше то, Платон? – ненасытно спрашивала Элея.

– А что дальше… – говорил Платон голосом ещё более высоким, нежели обычно.

Он только что проснулся. Вернее, телефонный звонок Элеи его разбудил. В разговор вмешалась Исида.

– Элея, привет – прохрипела она заспанным голосом.

– Привет Исида, ты прости, что я вас разбудила, тут просто все на стрёме…

– Знаю, поняла уже, я же рядом лежу.

– Хорошо, прости ещё раз – Элея перевела дух. – Может, ты что-нибудь знаешь.

– Мужик этот – Гермес, не из туристического лагеря. Он вроде как учёный – продолжала Исида. – То ли биолог, то ли геолог, в общем, однозначно не турист. Да и выглядел этот Гермес, словно в лесу и родился, с топором на ремне и большим ножом. Дафнис сказал, что Гермеса он давно искал и, наконец, нашёл. Большего не знаю.

Элея молчала в трубку, собираясь с мыслями.

– Ладно, спасибо тебе, некоторое стало понятно, буду дальше разбираться.

– Да пожалуйста, я толком ничего существенного не сказала.

– И всё-таки спасибо.

Элея откинулась на спинку стула и оттолкнулась от письменного стола, погрузившись в размышления: «Дафнис ушёл по своему желанию… С каким-то мужчиной в лесной одежде… Непонятно».

Она собрала в пучок свои каштановые волосы. После первого безрезультатного свидания девушка вышла из салона с дерзким каре на голове, и с того момента волосы почти не прибавили в длине. К этому привело множество причин. В том числе, что волосы начали резко редеть, и так она рассчитывала удержать густоту шевелюры. Расчёт оказался ошибочным, с каждым расчесыванием на гребешке оставались клочки хрупких волос.

Собрав волосы в короткий хвост, она услышала голос матери из коридора.

– Не распускала бы уж, вся квартира в волосне твоей. – Хотя мать бросила фразу мимолётом, присущая ей грубость и отвращение чётко прозвенели по голым стенам комнаты.

Элея и головой не дрогнула – привыкла. Но через некоторое время, когда мать уже давно забыла про волосы, глаза Элеи стали стеклянными, и по розовой щеке покатилась слеза. Одна… вторая, вскоре третья, словно зарождалась буря.

Ей хотелось бежать, ругаться, взорваться, послать к чёрту всех и уйти… Но она не могла. Да и зачем пускать опять портить отношения, если можно стерпеть. «Я ведь даже не работаю» – думала она.

Представив себе ссору с мамой, она вспомнила, как когда-то ругалась и уходила. Только тогда было куда идти. Конечно, они с Дафнисом тоже ругались, но со временем мирились по обоюдному желанию. А тут ни отец, ни мать не стали бы идти на компромисс. К тому же, отец опять мог захворать, и, того пуще, умереть. Он и так едва ли полноценно реабилитировался после прошедшей пневмонии.

Слишком многое останавливало Элею от резких и твёрдых поступков.

Девушка откинула голову и собрала эмоции в кулак. Но вскоре открыла ладони и опять начала отчаянно думать: «Зачем я вообще это всё делаю? Зачем цепляюсь за него? Ну и пусть подыхает в этом лесу, раз уж нашёл себе весёлое развлечение». Элее стало тошно от собственных мыслей. На самом деле, она бы отдала всё, чтобы вернутся в прошлое. В то время, когда Дафнис был рядом, когда она помирилась с родителями, а на улице было тепло.

12

Прошлым вечером Элея созвонилась с Деметрой. Обе, ничего не придумав, решили ехать на место, где Дафниса видели в последний раз. Элея словно заразилась материнской тревогой и поэтому с семи утра была готова к выходу. В восемь они выехали из Самоцветинска.

Машину немного потряхивало, ветер за окном крепчал с каждым часом. Деметра не привыкла к такой высокой парусности и сперва чувствовала страх и неуверенность. К тому же, автомобиль был праворульным, а дорога двуполостной, что усиливало дискомфорт.

– Ну что же так он… – бубнила она себе под нос. – Ну у кого же эгоизма набрался?

– Не переживайте, может просто телефон разрядился.

– Ну а что же он тогда с телефона этого лесника не позвонил? – не унималась мать.

– Видимо, забыл про всех и вся, у нас часто так было. Дафнис если делом каким занимался, то полностью туда уходил, ничего не соображал. Я как-то в квартиру не могла попасть около часа, пока он не опомнился.

– Бедная моя – ласково сказала Деметра.

Через некоторое время желудок Элеи начало сводить судорогой, она не ела уже давно. Удивительно, но в этот момент Деметра взглянула на неё и предложила чай в термосе.

– А он с сахаром?

– Привереда – улыбнулась Деметра с обволакивающей теплотой, – с мёдом.

После этой фразы Элея была согласна и на чистый сахар, без чая. Во всяком случае, она тут же схватила рюкзак с заднего сиденья и достала термос. Тут машина резко дёрнулась влево, миновав препятствие на дороге. Часть чая оказалась на джинсах.

– Прости, пожалуйста – вскрикнула Деметра, вертя головой то на девушку, то на дорогу.

– Ничего страшного, не отвлекайтесь, к приезду высохнет – ответила Элея и улыбнулась собственной уверенности.

– Не обожглась?

– Да нет же, всё хорошо – сказала она, чувствуя, как чай медленно остывает, а боль спадает. – Он уже совсем не горячий.

Элея расценила разлитый чай как знак и к напитку не прикоснулась. Её немного подташнивало, как она полагала, из-за плавного хода машины.

– Ну хорошо – успокоилась Деметра. – Там просто пёс мёртвый лежал, я в последний момент его увидела, всё из-за фуры этой проклятой.

Впереди машины шла рейсовая фура, которую никак не получалось обогнать.

– Нехороший это знак – продолжала мать. – Я Дафниса всегда щеночком представляла, сереньким, а тут пёс этот, тоже серый.

– Не надумывайте, вот увидите, всё получится, найдём мы его – произнесла Элея с акцентом на последние слова. – Главное не придумывать ничего, а чётко двигаться по плану… К слову, про план – Элея вспомнила мысль, которую ещё вчера хотела озвучить – А если не найдём мы там этого лесника, что делать будем?

Деметра молчала, не зная, что сказать. Спустя недолгую напряжённую паузу, она ответила.

– Ну что-что…Будем домой возвращаться и в розыск подавать, лишь бы не секта какая-нибудь.

– Да что вы, в самом деле, Дафнис хоть и дурак, но разумный.

Спустя несколько часов они оказались на месте. Погода стояла пасмурная, солнце практически не показывалось. Спустя тридцать минут бестолковой ходьбы по стоянке и окрестным кустам, Элея вернулась к машине и села у костровища.

– И что дальше?

– Не знаю… – заунывно протянула Деметра.

Она прошла к озеру. На берегу обнаружилось пару дощечек. Одной стороной они упирались в береговой серый песок, а другой лежали на большом валуне в метре от берега. Получался своеобразный пирс.

Деметра прошла по ним до края и села, поджав колени. Напротив, возвышался хребет, мрачно озирающий лес. Рядом с вершиной Деметра завидела антенну, тихонько светящую белым прожектором. «Оттуда точно видно весь берег. И нас, и всех, кто бы здесь мог быть» – думала она. На мгновение даже показалось, что возле маяка кто-то движется. Какой-то знакомый силуэт, похожий на её сына. Но сильный порыв ветра сделал округу ещё темнее, и видение прошло. Ветер гнал с горы свинцово-чёрные тучи, на той стороне озера начинался дождь. Деметра поднялась и пошла к Элее, как бы убегая от мороси, забившей в спину.

– Переждём в машине?

– Да, думаю, сейчас польёт.

Как только они сели в автомобиль, с неба забили крупные капли. Пару минут спустя дождь успокоился, казалось, сейчас выйдет солнце, но чёрные горы говорили об обратном. Ветер разогнался с новой силой и влетел на поляну. Машину слегка потряхивало. Деметра не боялась застрять, выезжая по размокшей дороге. Она взяла автомобиль у Агамемнона, тем самым подготовив себя к любому бездорожью. У дяди Дафниса был большой белый внедорожник, родом из островной страны «восходящего солнца», оснащённый и лебёдкой, и защитой от гидроудара. Также в багажнике имелся набор альпиниста, так что при необходимости можно было выйти из любых передряг.

Очередной порыв ветра встряхнул машину так, что Элея вцепилась в ручку над входной дверкой.

– Ужас как стихия бьётся – прокричала она.

– Как будто сражается – отозвалась Деметра.

Ветер утих, и с неба забил ливень. Капли забарабанили по лобовому стеклу с яростным надрывом. Элея представила, как лопается стекло, а Деметра опасалась, что пойдёт град.

Спустя двадцать минут такого ливня спутницы попривыкли и обсуждали дальнейший план. Все мысли вели к тому, что делать тут больше нечего и надо возвращаться.

В боковое окно раздался стук, и Элея испуганно вскинулась. За окном стоял мужчина в промокшем зелёном дождевике, скрывавшем всё тело и половину лица. Он жестом попросил опустить окно. Элея повиновалась, остолбенев от неожиданности.

– Здравствуйте, у вас прикуриватель работает? – голос звучал грубо, но не враждебно.

Элея растерянно обернулась на Деметру. Та сначала молча смотрела на мужчину, потом спохватилась и вынула прикуриватель.

– Можете, пожалуйста? – он протянул Элее дешёвую белую сигарету с коричневым фильтром.

Девушка приложила её к раскалённой пластине, дождалась легкого дымка и вернула обратно.

– Спасибо – курильщик благодарно улыбнулся.

Зубы у него были жёлтые, да и всем видом он воплощал образ человека, прожившего уже много и видавшего разные виды. Седые волосы, едва видимые под капюшоном, были аккуратно собраны в хвост. Он взял сигарету одной рукой, а другой прикрывал её от дождя. Отойдя в сторону, мужчина встал лицом к воде и затянулся. Дождь начал утихать, и над горой мелькнуло солнце.

13

Заканчивалось долгое воскресенье. Водная гладь озера Преспакуль искрилась оранжевым цветом.

– А это баня – показал Гермес.

Дафнис оглядел серую брезентовую палатку, скрепленную плёнкой и скотчем. Кроме кухни, она единственная в лагере крепилась на каркас, свинченный из сосновых жердин. Из плёночного кокона торчала труба, увенчанная ржавым пламегасителем. Дафнис заглянул внутрь. «Нечего необычного» – подумал он. Там оказалась немалых размеров печь, занимающая треть всего пространства. Сверху донизу она была накрыта множеством камней, словно одеяло укрыло печку от посторонних глаз. С другой стороны стояла лавка, а по центру незыблемо торчал центральный кол, или по-местному – «ЦК». Дафнис выглянул обратно, Гермес сидел на ближайшей скамейке. Баня имела не просто свой выход, а обрамлённый перилами и ступеньками спуск к воде.

– Интересная баня… – растягивал Дафнис – а почему не стационарная?

– Нет большой нужды – чётко ответил Гермес, как он это всегда и делал.

– У вас же штаб с кухней – целая избушка, почему баню не сделать?

– Зимой уезжает почти половина населения. Нас здесь остаётся человек четыре-пять, приезжают по выходным в основном. – Гермес помолчал. – А на самом деле, просто некогда, да и некому.

Лагерь геологов, как они его называли – «поселение» – состоял из неоднородной застройки. Все жили в палатках, кто парами, кто по одному. Зимой – тоже в палатках, только отапливаемых, прозванных норами. Туалеты выкопанные, наподобие дачных – деревянные «скворечники». Поодаль лагеря стоял большой белый шатёр, служивший местом собраний – «белый дом». Также, конечно, у поселения имелись столовая и штаб. Всё это раскинулось вдоль береговой линии, секциями по порядку следовали: палаточный лагерёк, кухонная зона и тут же штаб, чуть в отстранении – белый дом, и на соседней поляне – баня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.